

В. П. Авенариус

**Книга о киевских
богатырях**

**Свод 24 избранных былин
древне-киевского эпоса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. П. Авенариус**
Книга о киевских богатырях: Свод 24 избранных былин древне-киевского эпоса / В. П. Авенариус – М.: Книга по Требованию, 2016. – 358 с.

ISBN 978-5-518-01350-6

ISBN 978-5-518-01350-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе къ былинамъ (съ портретомъ народнаго пѣвца Рябинина)	ш
Былины:	
I. Вольга Всеславьевичъ (съ картиной)	3
II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра	15
III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична	29
IV. Алеша Поповичъ (съ карт.)	35
V. Первый бой Добрыня Никитича съ змѣемъ Горынычемъ . .	46
VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ (съ карт.)	52
VII. Ставѣрь Годиновицъ и Василіса Микulichна	62
VIII. Соловей Будиміровичъ (съ карт.)	77
IX. Испыленіе Илья Муромца	90
X. Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ (съ карт.)	98
XI. Микyла Селянниновичъ (съ карт.)	118
XII. Святогоръ	129
XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Микulichна	134
XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ (съ карт.)	139
XV. Илья Муромецъ и Идолище	146
XVI. Илья Муромецъ въ спорѣ съ княземъ Владиміромъ	156
XVII. Илья Муромецъ и Калинъ царь (съ карт.)	167
XVIII. Чуріла Пленковичъ (съ карт.)	190
XIX. Дюкъ Степановичъ	201
XX. Добрыня Никитичъ въ отъздѣ (съ карт.)	228
XXI. Микхайло Потыкъ	243

XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ (съ карт.)	253
XXIII. Три поѣздки Илья Муромца (съ карт.)	267
XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руся	277
Примѣчанія къ былинамъ	I
Алфавитный Указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и необычныхъ словъ, встречающихся въ былинахъ	XXV

ВВЕДЕНИЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенецъ, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ нянюшениныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенекъ, начинаетъ безъ умолку лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связанной рѣчи и музыкальныхъ звуковъ. Точно также и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь къ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность все свое фантастическое міросозерцаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественныхъ дѣятелей облечь въ замысловатый рассказъ, который, за отсутствіемъ или малой распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной повѣи — безъ „*rapsoda*“ (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсень, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безыскусственнаго струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіе столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ

свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлѣ: умѣлый рапсодъ твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно поглядывать по сторонамъ, — смѣтливый разсказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ сократить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣвающее скуку, причемъ съ художническимъ чутьемъ наложитъ на всю картину, смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать тоже впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неуклюжій стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняется другимъ выраженіемъ и стихомъ: если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благопріятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворятъ наконецъ и самого повѣствователя и его слушателей. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общемою идеею, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало по малу, какъ-бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной разсказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ, народная эпопея есть опозитивированная *исторія* народа, разсказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—от дѣльныхъ рапсодій, носящихъ у насъ названіе „былинъ“ (разсказъ о *былохъ*), а также „старинахъ“ (разсказъ о *старинахъ*) или просто „пѣсень“. *) Но, по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей, былины могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ или „цикловъ“: 1) древнѣйшій циклъ—о полумифическихъ герояхъ до-владимірской эпохи, такъ-называемыхъ „старинныхъ“ богатыряхъ (см. прим. 3 въ концѣ книги), 2) *киевскій* или *Владиміровъ* циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *московскій* и 5) *казакскій*. Всѣхъ обширнѣе и замѣчательнѣе циклъ кievскій. Всѣ былины этого цикла имѣютъ своимъ предметомъ „князя-солнышка“, „ласковаго Владиміра стольно-кievскаго“, т.е. Владиміра Святаго (980—1014 г.г.), съ его богатырскою дружиною. Князь-солнышко—центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система—богатыри и богатырицы, сверляющіе, однако, не только заимствуемымъ отъ центральнаго солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху міровданія и небесные спутники нашего дневнаго свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская „грядка“, подобно римскому форуму,—свѣтовой

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былевого творчества стоитъ народное произведеніе XII вѣка—„Слово о Полку Игоревѣ“, которое, разсказанное устами современника, хотя и отличается задушевною непосредственностью, образностью и нѣкоторымъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородо-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основнаго условія пѣсни—болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго размѣра.

фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи ея: подъ звонъ „полуторапудовыхъ“ чашъ, подъ звуки „аровчатыхъ“ гуслей, здѣсь сливки древне-кѣвскаго общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздъ, сватаются, интригуютъ, ссорятся, мирятся, замышляютъ богатырскіе выѣзды противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой „заставѣ“.

Что Владиміръ Святой съ его богатырскою дружиною сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса—объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя, „краснымъ солнышкомъ“ разсѣявшаго лежавшій дотолѣ надъ Русью мракъ язычества и кочевой неурядицы, было дѣйствительно самою свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долголѣтняго гнета азіатскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ „князя-солнышка“ долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ—Дмитрія Донскаго, Ермака—безсознательно приурочивались новѣйшими рапсодами все къ тому-же „солнечному“ вѣку.

Въ старыя времена, близкія къ событіямъ, описываемымъ въ древне-кѣвской пѣснѣ, пѣсня эта пѣлась „загусельщиками“ (гуслярами) и „кальками переходими“ (нищими калѣками) вездѣ, гдѣ она слушалась охотно: и на княжескихъ пирахъ, и на семейныхъ торжествахъ горожанъ и крестьянъ, и всенародно—на рынкахъ и ярмаркахъ. Съ татарскимъ погромомъ, пѣсня наша по-неволѣ смогла на мѣстѣ своего зарожденія и искала спасенія въ дали,

въ глуши, гдѣ ей можно было еще свободно раздаваться. Въ теченіе 2^{1/2} вѣковъ татарскаго ига, понемногу заглохли въ кievской Руси и воспоминанія о князѣ-солышичѣ и его славныхъ богатыряхъ, и въ послѣдовавшіе затѣмъ періоды казачества и литовскаго владчества, облегченная русская грудь затянула уже пѣсню о новѣйшихъ богатыряхъ—казакахъ и литовцахъ; но прекрасныя сами по себѣ малороссійскія „думы“, не имѣя между собою органической связи, не только не могли слиться въ какое-либо подобіе эпопей, но, по преобладанію въ нихъ лирическаго элемента, должны быть отнесены скорѣе къ лирической, чѣмъ къ эпической поэзи. Въ нѣкоторыхъ изъ среднихъ великорусскихъ губерній слышатся еще рѣдкіе, но значительно искаженные отголоски древняго кievскаго эпоса. На отдаленнѣйшихъ же окраинахъ, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской и сибирскихъ, въ селеніяхъ, лежащихъ среди лѣсовъ и болотъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, отъ торговой и заводской дѣятельности, особенно между раскольниками, крѣпко держащимися старины, стародавняя пѣсня сохранилась еще довольно чистою, поется и слушается съ умиленіемъ, почти съ благоговѣніемъ. Какое впечатлѣніе производитъ она въ безыскусственной сельской обстановкѣ на всякаго свѣжаго чelовѣка—лучше всего можно видѣть изъ описанія извѣстнаго собирателя былинъ Рыбникова предпринятой имъ въ маѣ 1860 году поѣздки въ Заонежье, гдѣ ему въ первый разъ удалось услышать настоящаго „сказителя“, какъ называютъ себя тамошніе рапсоды. Приводимъ здѣсь описаніе это собственными словами собирателя:

„Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, переменны вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсыяно множество мелей и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы (лодки) понравился мнѣ своимъ привѣтливимъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорской приходъ. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ „баженнымъ“ (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся „стрѣтнй“ вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разныривался, и только въ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-Наволоку — пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска. На островѣ стоитъ закопченная „фатера“ — домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и „фатера“ народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна, и, хотъ было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшищѣ около топчого костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ. Меня разбудили странные звуки: до того я много слышалъ и пѣсень, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыживалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ повола-